

Ольга ШИЛЕНКО

В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНОГО СЛОВА

Читая Бахытжана Канапьянова, мы вдохнули в себя новый воздух истории вместе с чистым дыханием классической Лиры. Никогда в угоду господствующему вкусу или под влиянием ложно понятого образа Заратуштры не уходил он в эксцентрические абстракции, пытаясь выглядеть сверхчеловеком. В гигантомании его не упрекнешь, как и не упрекнешь в мелкотемье. В своем искусстве он не боится исторического пространства, как и пространства духовного. Поэтому Бахытжан никогда не забывает одну прописную истину – лишь равнодушие к собственному народу дает право равнодушия к человечеству. Без любви к своей нации интернационализм немислим. Но приязнь только к своей нации, без приязни к другим народам, может превратиться в национальный эгоизм. Вот и пишет он о себе как о кочевнике с авиабилетом, странствующим, познающим и обнимающим эту планету душой художника...

*«А там, где-то там на закате,
Начало второго пути», –*

напишет Бахытжан свою загадочную строку, и я в неясной тревоге сделаю ему посвящение, которое войдет в книгу «Легенды о поэтах»:

*Кто знает, не там ли в Нью-Йорках,
Не в море ль пустил на распыл
Есенин так больно и горько
Свой голос щемлящий и пыл?
Не после ль горячки московской,
В тумане чужбины остыл*

*И тихо устал Маяковский,
Почувствовав сердце пустым?!
Крадет и уносит, как может
Чужбина, а что – не понять.
И сердце щемит: осторожней!
Весь мир не объять, не объять...*

Но с тех пор прошла уже четверть века, и Лира Бахытжана Канапьянова ничего не утратила, а только приобрела. С отрадой и большим вниманием читаю его новые стихи в Фейсбуке. Недавно он, как факир, обрушил в сеть каскад живых и многоцветных миниатюр о любви и природе, о гармонии музыки, живописи, поэзии и философии, образующих мощный поток, который несет в себе сокровища национальной культуры.

*Когда я заплакал однажды во сне,
Волшебное слово промолвили мне.*

*А утром я вспомнить то слово не мог.
Мне мать отвечает: – Не знаю, сынок...*

Как никто другой я понимаю это состояние собрата по перу. Вот оно, только что звучало на полуночной ветке сновидений – Волшебное слово и вдруг растаяло. Улетело, как вещая птица. Кому из поэтов не знакомо это трепетное чувство? Ты пишешь во сне дивные стихи, неслыханные откровения, сочиняешь редкую аранжировку, а утром, проснувшись, ловишь лишь призрачный фрагмент и отпускаешь свое Волшебное слово, как жар-птицу. И нет тебе покоя. Ты отправляешься на поиски этого слова, с пером в руке, вглубь своей души, в путешествии во времени, высматриваешь его среди грозной стихии, среди материков, вырастаешь в калейдоскоп явлений и лиц, растений и предметов... поэзия дразнит. Влетает в свои дёбри, на охоту за заветным образом, и ты уже не принадлежишь себе. Вся жизнь твоя – поиск Волшебного слова, которое приходит в снах, а иногда и наяву. И нет в нем мнимой бахромы метафор и рваных смыслов, рассчитанных на дешевый эффект. Не сразу просматривается этот пространственный путь Искателя магических чар и обаятельной простоты и ясности.

Словно в Машине Времени поэт переносит своего читателя из Останкино в свой Старый Дом, где «под крышей витала – эпоха, был за окнами сталинский тракт» и «...мальчик в матроске стоит на обочине детства...»:

*Вот комната Екатерины, Вот мечеть,
Вот дворик – хауз, А вот Гирей глядит с картины...*

А где-то старая Алма-Ата, «природой сотворенный сад камней...», и сирень её цветет так же буйно, как и в Тавриде.

*За эту ночь она вскипела, Цветенью не было предела,
Дышали гроздь на холмах. Как будто бы морская пена
Плескалась с листьями в садах...*

Разве это не волшебные слова? Разве не нашел их поэт, странствуя по всему миру, как старый поэт Басё иль юный Байрон...

*Себя я чувствую частицей Амстердама,
В нём уличным художником живу.
Мне кофе подает рембрантовская дама...*

Вообще меня поражает искусство перевоплощения Бахытжана Канапьянова от себя самого до Жана Бахыга, от Компьютодора до Блудного Сына Третьего Рима.

*Казна и казнь – Взирайте на меня,
Вы символы державы. Как на икону,
На дыбу вздёрнут я, Взирайте из сумрака лучин.
И чей-то лик Не надо
Сквозь камень проступает, Ни казны, ни казни мне, ни трона...
Сквозь скрижали: Ты слышишь, отче,
Вырвали ретику язык. Я – твой блудный сын!*

Исповедь человека с судьбою, разломленной стыком веков, тоже изломана. Она то светла, то темна, то горчит, то ударяется в сладкие воспоминания детства. Взять стихотворение «Мальчик». Время от времени этот мальчик как прототип нынешнего лирического героя будет являться на страницы книг, чтобы напомнить, откуда родом вообще вся эта поэзия. И Черный ворон распластает свои крыла над страницами. У Бахытжана это не только символ печали, но и своеобразный символ свободы.

*Чёрный ворон, Чёрный ворон, В этой адовой метели я ли
видишь, что не одинок, в курточке продрог.*

По Песку Времен от подножья Акрополя голубой Эллады, сквозь стрекозиное крыло детства, неоновый свет московских бульваров, по страницам вчерашних газет, мимо пустых скамеек, подъездов, костров, по дневникам отца, сквозь колючую проволоку атомного века – прямо к сердцу Чернобыля будет шагать лирический герой Бахытжана Канапьянова с рыдающим сердцем, воскликнув:

*Землю ли судорога сводит,
иль человеческий стон?
Это не миф и не эпос,
это и есть полигон.*

*Близок был сердцу Чернобыль,
в нём мертвые видел дома.
Чабанскую псиною взвять бы
на звезды с родного Холма...
И – не сойти с ума.*

Так он будет шагать к Абаю, где снова увидит одно и то же. «Аул в ночной погружается плач... в недрах накопленный яд... наш воздух настоян на нём... За полигоном в ауле – распятый антеннами плач...»

Чтобы кто-то услышал, как продолжение исповеди человека из стыка веков:

– Да, я виновен, что молчал
громаду лет, быть может,
Поэтому не замечал
всё то, что нас итожит.
– Пусть в этом есть моя вина,
наследие застоя...

– Дай силы мне, моя страна,
я не прошу покоя.
– Настало время молодых,
хотя судить не вправе,
Но будут ли коней своих
менять на переправе?

С усмешкой ли, с горечью гордого потомка Чингиз-хана лирический герой Канапьянова говорит о семьях скифов, что годами ждут очереди на современное жилище и поют в телефонную трубку гортанные свои песни, и степь созерцают с балконов да с телеэкранов. А отсюда и томительные строки о дорогах столетий кочевника.

И глаза цвета Черного моря
в ночи обуздали меня,
Словно не знавшего горя
молодого степного коня.
Дорога столетий...

Не вспомнить нам возраст её,
То в горы извилистой плетью,
то к морю – как будто копьё.
Дорога столетий,
мне скифских эпох черепки...

И великолепное стихотворение «Плывут облака». Будто живопись пастелью: «...на земные края облака, облака оседают... кану я за холмом, горечь джусана вдыхая... И ветер развеет, как горсточку проса, мысли в пространстве, многовековая странствует стая – крылатые мысли».

Пленит душу читателя и Кочевая звезда поэта. «Звезда кочевая моя, твой бег бесконечен по сфере. Отражаешься вновь в ладонях моих, что над спящим ручьем... Слушая музыку неба, торжественно и молчаливо... Испуганно, как жеребенок, что потерялся в ущелье».

Зачарует стихотворение «Ностальгия по детству».

Я родом из сада, где ныне
бетонные плиты.
Я верил, что вечно, что вечно
мой сод плодоносит.
И, сбросив плоды, расправляет
вновь древние ветви.
Я родом из сада, как травы
и яблоки эти...
Ну где твоя почва,
железобетонная осень?

И, конечно, останоят портреты современников – так тщательно прописанные и благоговейно одухотворенные, что только останется удивиться этой любви к людям художника, которому не так-то просто влюбиться сегодня в себя и удостоиться внимания.

У Бахытжана широкое сердце, оно вмещает в себя не только пространство времен и звёзд, но и простые человеческие лица, порой затмевающие большие светила: Таугуль, Диктор, Виктор Хара, Отец, чабан, поэт, мама, старец, уж не говоря о многочисленных животных и других божьих тварях, которыми заселил свои книги поэт, чтобы казалась она, как планета, живой, сверкающей, поющей, дивной и оттого щемяще прекрасной.

Боль за судьбу Земли, тревога за людей и всё живое, чем заселена наша удивительная планета-колыбель, – вот главная тема поэта. Исключительно искренняя нота.